

тельное место в любом искусстве (чайная церемония, каллиграфия, фехтование).

Религия, искусство формируют мировосприятие народа, и сакральные идеи не могут не сказываться в материальной культуре. Религиозно-философские идеи могут быть едиными для разных наций (Китай, Япония). Так не только в традиционном, но и в современном изобразительном искусстве Китая и Японии можно обнаружить универсалии чань/дзэн-буддийского философско-религиозного учения. При всем неоспоримом своеобразии Китая и Японии их объединяют единым понятием «дальневосточная культура», благодаря универсалиям чань/дзэн-буддизма.

1. Осенмук В. В. Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода южная Сун в Китае. М., 2001. С. 117

2. Дюмулен Генрих. История дзэн-буддизма. М., 2003. С. 193.

3. Там же. С. 199.

О. В. Тарасова
Екатеринбург

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ РЕЛИГИИ П. ТИЛЛИХОМ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Американский теолог П. Тиллих (1886-1965) известен, прежде всего, постановкой проблем, осмыслением, формулировкой тех действительно серьезных и сложных противоречий, с которыми столкнулся современный человек.

Знакомство с современной западной духовной ситуацией, с особенностями теологической и философской проблематики позволяет понять основания следующего тиллиховского заявления: «Сегодня стало почти банальностью называть наше время «веком тревоги». Это равно относится как к Америке, так и Европе» (2, 53).

Наиболее общим определением «тревоги», по мнению Тиллиха, может быть такое: «Тревога — это экзистенциальное осознание небытия» (2, 35). С точки зрения Тиллиха, тревогу порождает не абстрактное знание о существовании небытия, а осознание того, что небытие является частью нашего собственного бытия. Не знание универсальных законов изменчивости и даже не переживание смерти других людей, а фиксация этих впечатлений в нашем сознании — вот что порождает тревогу.

Прежде всего, онтологическая интерпретация «тревоги» как субъективного проявления небытия позволяет Тиллиху провести характерное для многих экзистенциалистских концепций различие

ние тревоги (anxiety) и страха (fear). Страх, отмечает теолог, — в противоположность тревоге имеет определенный объект. Если человек сталкивается с источником страха как объекта, он может тем или иным способом бороться: побеждать его или хотя бы нейтрализовать, избежать.

Для преодоления тревоги подобные методы не подходят, ибо ее источником, как следует из концепции Тиллиха, является не определенный объект, а «ничто», «небытие» — т. е. отсутствие всякого объекта.

Рассматривая тревогу философски, Тиллих ее качественно дифференцирует. «Я предлагаю, — пишет он, — рассматривать три типа тревоги, соответственно трем направлениям, в которых небытие угрожает бытию» (2, 41). Существует, с точки зрения Тиллиха, онтическая (от греческого *он* — бытие), в этой сфере тревога проявляется абсолютно в виде смерти, относительно в виде судьбы. В духовной сфере, соответственно, — бессмысленности и пустоты, в моральной, — проклятия и вины.

Различия типов тревоги не означает, что они исключают друг друга. Правда, теолог подчеркивает, что в различных социокультурных контекстах на первый план обычно выдвигается один из типов тревоги. Остальные как бы находятся в тени. В период поздней античности, прежде всего, имеется в виду время расцвета римского стоицизма, доминировала онтическая тревога, в средние века — моральная, в наше время — духовная.

Наиболее фундаментальным типом тревоги протестантский теолог считает онтическую тревогу. На базе тревоги перед лицом к смерти, Тиллих пытается объяснить и понятие судьбы, основным содержанием которого он считает случайность. «Случайность вовсе не означает недетерминированности, — она означает лишь то, что причины нашего существования лишены высшей (ultimate) необходимости (2, 44).

Появление понятия «высшая необходимость» в анализе тревоги и человеческого существования в целом не случайно.

Как известно, поиски абсолюта, абсолютной основы или абсолютной необходимости современными теологами — модернистами трактуются как главный аргумент в обосновании религии. Для Тиллиха этот ход мысли является основой всего учения. Тиллих пишет в одной из своих работ (*Morality and beyond*) о том, что фундаментальное понятие религии — это состояние бытия, связанное с высшей заботой (ultimate concern).

Та же тоска по абсолюту лежит, по существу, и в основе духовной тревоги. «Тревога перед лицом бессмысленности — это страх

потерять высшую заботу — смысл, который придает смысл всем смыслам», — пишет протестантский теолог (2, 47).

Говоря о духовной тревоге, угрозе бессмысленности, Тиллих совершенно справедливо отмечает ее связь с кризисом исторически конкретной культурной традиции. Активизация тревоги происходит в периоды затухания отжившего строя, культуры. В такой ситуации сейчас, по мнению Тиллиха, находится западный человек: «Содержание традиции, столь блестящей, столь превозносимой, столь любимой некогда, — пишет теолог, — теряет способность служить опорой сегодня. Еще меньше такой опорой может служить современная культура (2, 48).

Проблема вины, соответственно, моральная тревога, в современных условиях связана с ушедшей уже христианской культурной традицией. И все же присутствие моральной тревоги в системе Тиллиха продиктовано не только ностальгией по ушедшей традиции, но и значительной функцией, выполняемой этой идеей. «Вырваться из отчаяния невозможно, — рассуждает Тиллих. — Самоубийство может освободить от тревоги перед лицом смерти и судьбы. Это знали еще стоики. Но оно не освобождает от тревоги перед лицом проклятия и вины — это знают христиане» (2, 55). Вот та последняя точка, замыкающая круг неразрешимости экзистенциальных проблем. Примечателен и психологический анализ «тревоги». Здесь Тиллих испытывает значительное влияние фрейдовского психоанализа, но дополняет его выводами экзистенциального плана. Неврозы — это патологическая тревога. Невротик из-за особенностей своей психики чрезвычайно чувствителен к тревоге. Но, не будучи в состоянии ее понять и побороть, он пытается ее органичить, максимально сужая сферу своего самоутверждения. Самоутверждение нормального человека так же фрагментарно. В отличие от невротика он не выдумывает фантастические миры, а пытается овладеть своей ближайшей реальностью, осознать возможные источники угрозы своему бытию и их нейтрализовать. Утеря привычной обстановки всегда вызывает вспышку тревоги, чувство незащищенности. В своих рассуждениях Тиллих приходит к выводу, что между невротиками и «нормальными» людьми существует лишь относительная, количественная разница, Тиллих делает вывод: традиционные средства защиты от тревоги — невроз и религия тождественны по своей сути.

Бытие человека в мире требует, с точки зрения Тиллиха, большого мужества.

Существуют два типа самоутверждения человека. Это «мужество быть частью» и «мужество быть самим собой». В идеале, до

отчуждения, человеческое бытие должно сохранять равновесие, гармонию двух полюсов. Согласно тиллиховской интерпретации, преодоление отчуждения может быть достигнуто восстановлением этих двух типов мужества, выступающих в истории в качестве альтернатив. Остается лишь найти (придумать?), что может служить такой духовной опорой для человека.

Применительно к современной ситуации западного человека это звучало бы так: вывести человека из индивидуалистического тупика, в котором утрачено все общезначимое, все смысловые и ценностные ориентиры, и в то же время сохранить свободу, абсолютную суверенность индивида. Поставленная таким образом задача неизбежно предполагает религиозные средства решения, поиски спасительной духовной основы.

Чтобы найти синтез двух типов мужества, теолог обращается к анализу той «более высокой реальности», которая служит источником мужества.

Традиционно эта сущность называлась богом. Настаивая на радикальном изменении этого понятия, Тиллих предлагает назвать эту сущность «Бог над Богом» (God above God). Это должно быть, по мнению Тиллиха, чем-то абсолютно всеобщим, следовательно, не быть объектом среди других объектов (как бог теизма). И в то же время это должно быть нечто, присутствующее в каждом конкретном бытии, в каждом индивиде. «Мужество быть частью» «Бога над Богом» тождественно «мужеству быть собой» для каждого индивида. Всем этим требованиям в тиллиховском учении отвечает понятие «Самобытие» (Being-itself). Это «мощь бытия», проявляющая себя в любом конкретном объекте.

В тиллиховской концепции мы столкнулись со своеобразной формой пантеизма. Понятие «сверхъестественного» не совсем подходит к такому понятию как Самобытие». В этой связи представляется весьма приемлемой интерпретация «сверхъестественного», предложенная В. И. Колосницким: «Понятие сверхъестественного в ложной, извращенной, фантастической форме отражает и свойства человека, и содержание человеческой деятельности, и ее непредусмотренные результаты» (1, 57). Такое понимание «сверхъестественного», как самостоятельной сущности, позволяет оценить тиллиховские понятия «Бог над Богом» и «Самобытие» как религиозные.

1. Колосницкий В. И. Религиозное отчуждение. Свердловск, изд. Уральского ун-та, 1987.

2. Tillich P. The courage to be. Yale univ. press. 1966.